

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Хефни Халфаллы Абдельхафиза Хафиза на тему: «Зооморфизмы как эмотивные эталоны в современной русской лингвокультуре (на фоне арабской лингвокультуры)», представленную на соискание ученой степени кандидата наук по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Диссертационное исследование аспиранта Хефни посвящено образам и символам животных и эмоциям, связанным с ними, в русской и арабской языковых культурах.

В первой главе подробно обсуждается эмотивная функция языка, определяется различие понятий эмоции и эмотивности, сопоставляются различные классификации эмотивной лексики, излагаются принципы описания зооморфизмов. Много внимания уделяется проблеме коннотации. Подробно разделяются эмотивность, оценочность и экспрессивность, разбирается эмотивный код зооморфной метафоры. Понятие лингвокультуры вводится по Красных, отчасти Чернейко и Долинскому.

Автор нередко вступает в плодотворную дискуссию с учеными по разным вопросам. Так, он не соглашается с Владимиром Прокопьевичем Аникиным в том, что сказки – это развлекательный жанр и что их содержание допускает множественность применения (с.62). Во многих сказках проявляется элемент серьезной социальной критики с привлечением образов животных, а множественность применения ограничена жизненным опытом людей, создававших и рассказывавших эти сказки. Подробно описываются когнитивная, метафорическая, эталонная и символическая подсистемы лингвокультуры.

Во второй главе рассматриваются символы волка, медведя, kota и ласки в славянской культуре, особенности арабской культуры общения и языка, символы верблюда, лошади, вороны в арабской культуре. При рассмотрении выражения эмоций зооморфизмами в русском языке добавляются лиса, ястреб, заяц, кошечка, баран, ласточка, соловей; в арабском языке – вол, лисица, удад, крокодил, собака, змея, мышь. Здесь же по словарям сопоставляются русские и арабские зооморфные образы быка, верблюда, лошади и коня, свиньи, собаки. Очень важно, что отмечается изменение оценки во времени, например, арабская положительная оценка быка в прошлом сменяется на отрицательную в настоящем.

Здесь же раскрываются тонкие различия в выражении зооморфизмами внутренних и внешних качеств человека, их речевое использование, коммуникативные эмоциональные эффекты, гендерная референция. Делается существенный вывод о большем количестве зоометафор вообще и положительных зоометафор в частности в арабском языке в связи с кочевой культурой арабов (с.90-91). Много внимания уделяется проблеме перевода.

В третьей главе описывается содержание и ход эксперимента по сопоставлению русских и арабских образов животных и делаются необходимые выводы. Сначала эксперимент с опросами носителей языка ставится в направлении от животного к эмоции, затем от эмоции к животному, наконец, снова от животного, но уже к его качествам, какие складываются в русской и арабской лингвокультурах.

Очень актуальной является динамическая часть (с. 135 и далее). Самые современные данные сопоставляются с данными ассоциативного словаря под редакцией Ю.Н. Караулова и др. 2002 года. Отмечается сдвиг в положительную сторону оценки образа козла у современных носителей русского языка. Это можно проверить по новейшим литературным контекстам, включенным в НКРЯ: Могу подтвердить: более выигрышной темой для разговора, чем *обозвать москвичей козлами*, в Петербурге действительно не существует. [И. Ю. Стогов. Буги-вуги-Вук. Авторский путеводитель по Петербургу, которого больше нет (2012)] Сразу бы ко мне обратился — *прыгал бы сейчас, как молодой козел*, и бабки были бы целы! [Ирина Васюченко. Хромые на склоне // «Ковчег», 2014] Она вскочила, отшвырнула скомканную бандану и продолжила орать весьма эмоционально: — Говорят, *любовь зла, полюбишь и козла!*.. *Козел* в сравнении с вами — чистый эльф! [Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)] Хорошо хоть она не в *козла* в какого влюбилась, какого-нибудь *очкарика*, который после каждого моего слова вздыхал бы разочарованно, как твой папашка, не в обиду, раз уж он так делает. [А. Б. Сальников. Петровы в гриппе и вокруг него // «Волга», 2016] Как видим, в ходу более смягченные и безобидные мужские образы. Оказывается, *козла* можно *полюбить*. Можно *прыгать, как молодой козел*, активизируются поговорки *это и козлу понятно, с него как с козла молока*, кому-то что-то *нужно, как козлу подковки*. Козел — это не исключение, а правило: говорят *каждый козел*. Происходит раздвоение образа. При сохраняющейся резко негативной оценке развивается и новая, ироническая. В арабской культуре сохраняется только отрицательный образ козла.

В итоговом анализе имеется ряд неожиданных наблюдений, напр., лиса в ответах русских скорее положительная по качеству: умная, вызывает восхищение. «Эмоции, вызываемые образом собаки, в сравниваемых культурах очень различны. В то время как у русских данный образ вызывает, в основном, счастье, удовлетворение, у арабских респондентов вызывает сначала страх, а потом безопасность и удовлетворение, счастье и отвращение» (с.134). При этом есть отсылка к отрицательному отношению ко псу в исламе.

Следует добавить, что в русской церковной культуре отношение к собаке схожее. Если собака случайно забежала в церковь, эту церковь надо снова освящать. К кошкам это не относится, и при наших деревенских храмах обычно живут кошки, которые ловят мышей.

В целом, некоторые сюрпризы, связанные с ответами опрашиваемых, которые противоречат традиционным представлениям о том или ином животном в русской культуре, связаны с индивидуальными или узкогрупповыми психологическими и социальными особенностями лиц, дававших ответы. Стратегия ответов может быть различной, вплоть до демонстративно протестной: «Везде говорится, что лиса хитрая и коварная обманщица, а я напишу, что она умная и красивая. И вообще, мне нравится, как она выглядит. Я тоже крашу волосы в рыжий цвет».

Иногда автор сам признает индивидуальный характер предпочтений опрашиваемых. Например, в ответе на вопрос, какое животное нравится больше всего (с.137). В выводах к 3-ей главе прямо написано: «...социальная информация влияет на обработку языковых

стимулов» (с.138). Хотелось бы пожелать, чтобы в дальнейшем социальная информация об участниках эксперимента была более тщательно обследована.

Нам показалось, что русские участники смелее отходили от традиционных стереотипных представлений ради демонстрации своего остроумия. Арабские участники лучше отражают закономерности родного языка. Очень может быть, что это связано с изначально родным языком Корана у арабов и далеким по культуре и символам еврейским языком Ветхого Завета и более близким, но всё-таки неродным греческим языком Нового Завета. В целом, образы животных в Псалтири, Евангелии, других библейских книгах гораздо дальше отстоят от русских фольклорных образов, чем образы животных в религии и устных преданиях арабов. Это существенное культурно-языковое различие приводит к большому отступлению от традиционных образов животных у русских.

Очень важна мысль о слабом выражении центра образа и сильном выражении периферии образа того или иного животного, особенно в русском языковом сознании.

Источниками работы послужили русские и арабские фразеологические единицы, содержащие зоонимы, ассоциативный словарь А.Н. Баранова и ответы ста носителей русского языка и сорока носителей арабского языка на вопросы, составленные автором диссертации в порядке лингвистического эксперимента. Всё это обеспечивает достоверность полученных результатов.

Работа расширяет наши представления о ментальности, поскольку включает в нее эмоциональные переживания. Мы привыкли относиться к ментальности как к системе ценностей, выражаемых в языке. Эмоции тоже могут быть положительными и отрицательными. Но, обратным образом, они показывают отношение того или иного народа к миру животных. Это отношение не выходит на уровень сознания и остается в глубинах подсознания, - таинственного диалога с братьями нашими меньшими.

Замечания.

1) Автор много внимания уделяет Корану как источнику образов животных в арабской культуре, поэтому ожидалось бы, что такое же внимание будет уделено и Священному Писанию. В этом отношении русская культура становится наследницей еврейской и греческой культур. Вероятно, в целом, христианская символика животных более обособлена от народной в русской лингвокультуре, чем исламская – от арабской народной в арабской лингвокультуре. Возможно, с этим связано большее отклонение оценок животных от традиционных в ответах русских, чем в ответах арабов. Но эту гипотезу надо проверять.

Это замечание можно распространить и на недостаточное различие исконных и заимствованных образов животных, потому что, к сожалению, в работе не всегда говорится о заимствованном характере того или иного фразеологизма или сравнения. Ср, напр., материалы о *собаке* (с. 82-83).

2) Нельзя согласиться с тем, что «люди одной языковой общности в похожих ситуациях испытывают одинаковые эмоции» (с.20). Этому противоречит положение Шаховского о том, что «любая личность может рождать бесконечное число смыслов» (с.23).

3) В поставленном эксперименте задается вопрос «когда героем в книге или фильме является ...» и называется то или иное животное. В таком виде анализируется не живой язык, а его вторичный мертвый (по Гумбольту) продукт – текст. Мы узнаём отношение респондентов не к словам родного языка, а к литературным или кинематографическим образам, созданным авторами-соотечественниками или иностранными авторами и воспринимаемым читателями и зрителями по переводным текстам. Поэтому неудивительно, что в ответах русских появляются африканские животные жираф и гиена, южноамериканские ягуар и даже капибара.

4) Стандартный вывод об антропоцентричном мышлении (с.141) не может быть проворён на основе животных. Нам представляется, что факт наделения животных человеческими свойствами свидетельствует как раз о зооцентричном мышлении. Человек подыскивает животных, чтобы в них, как в зеркале, увидеть себя. Перенос характерных черт с человека на животных с точки зрения номинализма, с точки зрения реализма означает перенос готовых образов животных на человека, то есть зооцентричное мышление.

Общая идея каждого животного, лошади, свиньи или собаки, едина для всех народов. Но вещественное усвоение этих общих идей в культурах разных народов различно. Единый мир животных – основа взаимопонимания между народами.

Диссертация Хефни Халфаллы Абдельхафиза Хафиза на тему: «Зооморфизмы как эмотивные эталоны в современной русской лингвокультуре (на фоне арабской лингвокультуры)» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Хефни Халфалла Абдельхафиз Хафиз заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не установлены.

Член диссертационного совета

Доктор филологич. наук, доцент

Демидов Дмитрий Григорьевич

Дата 25.04.2023г.

